

DOI: 10.17805/trudy.2015.5.4

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ХРИСТИАНСТВА СРЕДИ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ В ДОМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

А. А. Инков

(Московский гуманитарный университет)

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные аспекты распространения христианства среди кочевников южнорусской степи в XI — начале XIII в.

Ключевые слова: христианство; печенеги; торки; половцы; Древняя Русь

ON THE ISSUE OF THE SPREAD OF CHRISTIANITY AMONG THE NOMADIC PEOPLES OF SOUTH RUSSIAN STEPPES IN THE PRE-MONGOLIAN TIME

A. A. Inkov

(Moscow University for the Humanities)

Abstract: The article examines various aspects of the propagation of Christianity among the nomadic peoples of south Russian steppes in the 11th — early 13th centuries.

Keywords: Christianity; Pechenegs; Torkils; Kumans; Old Russia

В X — середине XI века через южнорусские степи одна за другой проходят несколько волн кочевников: печенеги, торки, половцы. Длительное время в исторической литературе, опиравшейся преимущественно на данные письменных источников, бытовало мнение, что отношения Древнерусского государства с ними носили исключительно антагонистический, враждебный характер (см. подр.: Мавродина, 1983). Однако постепенно, по мере накопления исторического материала, введения в научный оборот новых источников, в том числе археологических, эта точка зрения стала меняться. Наравне с военным аспектом русско-кочевнических отношений исследователями стали рассматриваться вопросы, связанные с взаимоотношениями в сфере экономики, культуры, религии (см.: Машанова, 1999; Байбурова, 1996; Никитин, 2000; Инков, 2003). При этом религиозные взаимоотношения между Русью и кочевыми народами Степи

представляют особенный интерес, поскольку в эпоху Средневековья, когда мировоззрение человека было полностью религиозным, и он не мыслил себя без общения с Богом, религия оказывала огромное влияние на все стороны жизни общества, в том числе и на взаимоотношения между государствами. Вместе с тем, русско-кочевническое взаимодействие в религиозной сфере наименее всего поддается исследованию; отчасти причина этого заключается в плохой информативности источников.

Принятие Русью в конце X в. христианства в форме православия ввело ее в семью европейских христианских государств. Молодая Русская Православная Церковь с первых же дней своего существования стала осуществлять миссионерскую деятельность, стремясь распространить христианство на входившие в состав Древнерусского государства славянские и финно-угорские народы. Процесс этот не ограничивался только границами государства, постепенно он затрагивал и окружающие Русь соседние кочевые народы.

Кочевое население южнорусских степей, в массе своей исповедовавшее язычество, сравнительно рано стало объектом пристального внимания иерархов церкви. Приобщение кочевников к христианству, а при благоприятном стечении обстоятельств и их крещение, рассматривались как богоугодное дело. С государственной же точки зрения, крещение кочевников рассматривалось, прежде всего, как важнейшее средство воздействия на политику населявших степь народов, подчинение их своему влиянию. Особенную актуальность этот вопрос приобрел после того, как наметилось разделение христианской церкви на западную (католицизм) и восточную (православие) ветви, и между ними началось соперничество, борьба за сферы влияния, не только за территории, но и за души населявших их народов.

Интересно отметить, что первыми на возможность обращения в христианство кочевников южнорусских степей обратили внимание католические миссионеры. Около 1006 г. из Германии в Киев было направлено посольство германского императора Генриха II во главе с епископом Бруно. Помимо выполнения дипломатических поручений перед посольством Бруно, по-видимому, ставилась задача осуществления проповеди католицизма среди древнерусского населения. Однако, прибыв в столицу Руси и прожив здесь около месяца, оно не добилось значительных успехов, и тогда Бруно решил проследовать дальше — к печенегам, кочевавшим у границ Руси, и попытаться обратить их в христианство. Но и эта попытка закончилась полной неудачей. За пять месяцев проповеди христианства в печенежских становищах Бруно обратил только 30 человек (Василевский, 1908: 11) и, глубоко разочарованный этим более чем скромным результатом, выехал обратно в Германию. Печенеги оказались плохо восприимчи-

вы к проповедям немецкого епископа, и в последующем римская курия попыток обращения кочевников в католицизм не предпринимала.

Древнерусские источники не содержат сведений о каких-либо аналогичных попытках Русской православной церкви крестить печенегов. Во всяком случае, можно утверждать, что таких целенаправленных действий с ее стороны никогда не предпринималось, хотя печенеги, несомненно, были довольно хорошо знакомы с христианством, в том числе с православием. Основную причину непринятия печенегами христианства следует видеть, в первую очередь, в том, что их отношения с Русью на всем протяжении их развития оставались чрезвычайно сложными, носили подчеркнуто враждебный характер. Кроме того следует иметь в виду, что принятие христианства ассоциировалось у печенежской знати с утратой своей независимости, подчинением и признанием вассалитета государства, из рук которого принималась новая религия, в данном случае Руси. Поэтому стремившаяся строить свои отношения с русским землями на равных, а в отдельных случаях и сама мечтавшая о превосходстве над Русью печенежская знать, в целом, негативно относилась к принятию христианства. Значительную роль в этом, безусловно, играл и консерватизм кочевников, цепко державшихся за религию своих отцов, тем более, что в условиях господства у печенегов родоплеменных отношений предпосылок к смене веры было пока еще мало.

Важные изменения в религиозных контактах Руси и печенегов, а вскоре и сменивших их в южнорусских степях торков происходят в середине XI в. после вторжения новых кочевников-завоевателей — кипчаков (половцев). Под ударами половцев немногочисленные и уже ослабленные длительными войнами с Русью прежние насельники степей вынуждены были искать новые места для кочевания. Часть торков и печенегов откочевала на Балканы на территорию Византийской империи, другие ушли дальше в Венгрию, однако большая их часть обратилась с просьбой о покровительстве к русским князьям¹. Последние довольно быстро извлекли пользу из новой ситуации и стали селить их в своих пограничных землях под условием признания вассалитета Руси и взятия на себя функций по охране ее южных границ от набегов половцев (Греков, 1949: 344). Одна из крупных группировок печенегов и торков была расселена русскими князьями на территории Киевского княжества в Поросье (Плетнева, 1973: 24–28). Другая, состоявшая преимущественно из торков, расселилась в левобережье Днепра на территории Переяславского княжества (Ляскоронский, 1905: 26). Как правило, кочевникам отводились под расселение малонаселенные районы пограничья, пригодные для ведения привычного для кочевников скотоводства. Однако на этих землях нередко проживало и древнерусское земледельческое население. Тесное соседство русского и кочевнического населения приводило к разнообразным контактам меж-

ду ними, в том числе и религиозным.

Употребление в древнерусских источниках наряду с собирательным на-званием союзных Руси кочевников-федератов — черные клобуки (по характерному колпаку на голове) другого названия: «свои поганые», показывает, что принимавшим русское подданство торкам и печенегам разрешалось исповедовать язычество. Однако определенные шаги к распространению среди них христианства русскими властями все же предпринимались. Говорить об этом позволяет, в первую очередь, основание русскими князьями на территории Поросья (в наиболее густонаселенном торками районе русского пограничья) крупной епископской кафедры. Она располагалась в городе Юрьеве (Толочко, 1999: 96) в западной части южного Поросья. В 1095 г. во время одного из половецких набегов Юрьевская епископия была уничтожена, но затем в 1103 г. вновь восстановлена (Полное собрание ... , 2001: 219, 256).

К сожалению, письменные источники оставили нам мало сведений о том, насколько была успешна деятельность юрьевской епископии по распространению христианства среди кочевников. Тем не менее, определенная часть черноклобуцкого населения к началу XIII в. уже явно была христианизирована. По мнению ряда историков, говорить так позволяет прежде всего ношение некоторыми представителями черноклобуцкой знати христианских имен и отчеств: Тудор Сатмазович, Ольстин Алексич, Роман Нездилович. Последнее из этих имен явно христианское, что позволяет предполагать с большой долей вероятности, что его носитель не был язычником.

Больше сведений о распространении христианства среди черных клобуков дают археологические данные. Особый интерес представляет богатое мужское захоронение у села Таганчи, на Киевщине, раскопанное в конце XIX века видным дореволюционным археологом Н. Е. Брандбургом. В инвентаре погребения помимо традиционного для кочевников оружия и набора посуды находился медальончик с изображением Христа (Толочко, 1999: 96). Тем самым можно предполагать, что его владелец, являвшийся знатным торком, был христианином. Вместе с тем находка в могиле рядом с покойником туши коня свидетельствует о том, что он был похоронен по языческому обряду, что в свою очередь говорит, по меньшей мере, о его двоеверии. Однако удивляться этому не стоит, поскольку двоеверие было характерной чертой всех без исключения народов Средневековья на ранних этапах перехода от язычества к христианству. Не исключено, что одновременно язычество и христианство исповедовала значительная часть черноклобуцкого населения. Однако в массе своей оно вплоть до монголо-татарского нашествия, положившего конец существованию черноклобуцких поселений на Руси, оставалось все же языческим.

Значительно больше сведений в источниках сохранилось о религиозных контактах Руси с наиболее крупным и опасным объединением кочевников южнорусских степей в домонгольское время — половцами. Уникальность этих известий заключается в том, что если о распространении христианства среди печенегов и торков мы можем судить лишь гипотетически, основываясь, главным образом, на косвенных данных, то о фактах принятия крещения половцами летописи сообщают прямо. Первые известия об этом датируются ими уже концом XI в. Так, «Житие черноризца Никона» передает в несколько романтическом стиле рассказ о некоем половце, к которому во время одного из половецких набегов на Русь попал в плен монах Никон. Половец хорошо обращался с пленником, и последний имел возможность свободно передвигаться по кочевью. Движимый религиозным рвением Никон занялся среди половцев проповедью христианства. Учение о Христе так понравилось его хозяину, что он вскоре освободил Никона и отпустил его на Русь. Вскоре половчин и сам прибыл в Киев, где крестился вместе со своим родом (очевидно, в данном случае семьей) (Киево-Печерский патерик, 1980: 493).

Одним из источников распространения среди половцев христианства являлись браки русских князей с половецкими девушками. Выходя замуж за русского князя, девушка из богатой половецкой семьи обязательно должна была сменить не только свое языческое имя на христианское, но и веру, так как только в этом случае брак мог быть освящен церковью. Вместе с ней на Русь приезжало какое-то количество и ее половецких слуг. Последние интегрировались в пестроязычную княжескую дружину, где часть из них также, видимо, принимала постепенно христианство.

Летописи сохранили ряд известий о массовом обращении половцев в христианство. В 1132 г. Никоновская летопись сообщает о крещении в Рязани половецкого хана Амурата (Полное собрание ..., 1965: 236). В 1223 г., по данным Ипатьевской летописи, в Киеве «великий князь Половецкий крестился Басты» (Полное собрание ..., 2001: 742). Вполне логично предполагать, что эти половецкие ханы крестились не в одиночку, а вместе со своими приближенными или даже ордами. Как правило, массовое обращение половецкой знати в христианство происходило под влиянием внешних обстоятельств: поражения в войнах или когда кочевникам нужна была помощь соседних христианских стран². Кроме того, принятие христианства часто рассматривалось как форма присяги вассала своему сюзеру (Князький, 2003: 46). Поэтому принятие христианства половецкой верхушкой было довольно редким явлением, основная ее масса вплоть до монголо-татарского нашествия продолжала исповедовать язычество³. Несмотря на устойчивость языческих верований среди половцев, некоторая прослойка христианского населения в степи все же существовала. По верному замечанию советского историка А. И. Попова, главным источником

распространения христианства здесь были не русские князья или Русская православная церковь, а прежде всего масса полоняников (Попов, 1949: 106), в огромном количестве попадавшая в степь во время многочисленных половецких набегов на Русь. Какая-то часть этих пленных оседала в половецких кочевьях на постоянной основе, образуя категорию рабов, слуг, а нередко и получая свободу и интегрируясь в половецкое общество. По-видимому, нередко были и смешанные браки между русскими и половчанками. Рождавшиеся от этих смешанных браков дети не только перенимали язык своих родителей, но и при определенных обстоятельствах принимали их веру, в том числе христианство. Поэтому встретить среди половцев христианина даже далеко в глубине их владений можно было довольно часто. Одним из таких христиан из них был знаменитый крещеный половец Овлур (Лавор) (Попов, 1949: 106), сопровождавший новгород-северского князя Игоря Святославича во время его бегства из половецкого плена на Русь. Весьма важно в этой связи также отметить сообщение «Истории» В. Н. Татищева, вобравшей в себя многие не дошедшие до нас древнерусские летописи, о том, что во время плена князю Игорю разрешалось иметь при себе помимо двух слуг также православного попа (Татищев, 1963: 138). К сожалению, неизвестно, был ли этот поп взят в плен вместе с Игорем во время его неудачного похода на Дон или он был местным и постоянно жил среди половцев. Во всяком случае, последней возможности отрицать нельзя.

Одной из наиболее многочисленных групп населения степи, исповедовавших христианство, в половецкое время были аланы (Кулаковский, 1898: 17–18), принадлежавшие к остаткам племен салтово-маяцкой культуры, еще в конце XI в. вошедшие в состав половецкого этноса. Компактные группы аланского населения проживали на Северском Донце, где у них были несколько «городков». Желая оживить в них чувство религиозного единства с Русью, русские войска во время знаменитого похода против донских половцев в 1111 г. подошли к одному из таких городков Шаруканю с крестами и пением тропарей и кондаков. В итоге город сдался им без боя, а его жители вышли навстречу русским князьям с хлебом и солью (Полное собрание ... , 2001: 266).

Несмотря на проживание в степи достаточно большого количества христиан, основная масса половцев на протяжении всей своей истории продолжала оставаться язычниками. Причину этого следует видеть в том, что несмотря на длительные взаимоотношения с соседними христианскими странами, у половцев так и не сложилось собственного государства, а следовательно, не сформировалось и потребности в принятии новой религии, отвечавшей новым историческим реалиям. С другой стороны, Русь никогда не стремилась использовать в отношении соседних с ней

кочевых народов религию в качестве мощного идеологического оружия, поскольку исповедовавшееся ею православие в отличие от католичества редко выступало с идеей насильственной христианизации язычников.

Таким образом, к началу XIII века в Древней Руси был накоплен значительный опыт религиозного взаимодействия с кочевниками, который в последующем был во многом использован правителями Московской Руси в своих взаимоотношениях с мусульманскими кочевыми народами восточноевропейских степей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байбурова, Р. М. (1996) «Лес» и «Степь» — только ли Противостояние? // Человек. № 1–2. С. 144–155.

Василевский, В. Г. (1908) Византия и печенеги // Труды В. Г. Василевского. СПб. Т. I.

Греков, Б. Д. (1949) Киевская Русь. М. : Учпедгиз.

Инков, А. А. (2003) К вопросу об этнокультурных связях Руси и половцев во второй половине XI — первой трети XIII в. // Нации и регионы в истории и культуре России: Материалы VI — VII Сафаргалиевских научных чтений. Саранск : МорГУ. С. 13–17.

Киево-Печерский патерик (1980) // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М. : Художественная литература.

Князький И. О. (2003) Византия и кочевники южнорусских степей. СПб. : Алетейя.

Кулаковский Ю. А. (1898) Христианство у аланов // Византийский временник. Т. V. Вып. 1–2. СПб. : К. Л. Риккер. С. 1–19.

Ляскоронский, В. Г. (1905) К вопросу о переяславских торках. СПб.: Сенатская типография.

Мавродина, Р. М. (1983) Киевская Русь и кочевники: печенеги, торки, половцы (историографический очерк). Л. : Наука.

Машанова Л. В. (1999) Кочевники Евразии в эпоху Средневековья // Преподавание истории в школе. № 4. С. 13–17.

Никитин, А. (2000) Половецкая Русь // Знание — сила. № 5–6. С. 62–71.

Плетнева, С. А. (1973) Древности Черных клобуков // САИ (Е1–19). М.: Наука. С. 24–28.

Полное Собрание древнерусских летописей (2001). М. : Языки славянской культуры. Т. II. Ипатьевская летопись.

Полное Собрание древнерусских летописей (1965). М. : Наука. Т. IX. Никоновская летопись.

Попов А. И. (1949) Кыпчаки и Русь // Ученые записки ЛГУ. Серия истор. наук. Вып. 14. С. 94–120.

Расовский Д. А. (1933) Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondacovianum*. Praga. T. VI. С. 1–66.

Татищев, В. Н. (1963) История Российская. М.; Л. : Наука. Т. III.

Толочко, П. П. (1999) Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев : Абрис.

Инков Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-81. Эл. адрес: antigon1922@yandex.ru

Inkov Alexander Alexandrovich, Candidate of History, Associate Professor, Department of History, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., 111395, Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-55-81. E-mail: antigon1922@yandex.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История печенегов и торков на Балканах, в том числе религиозная политика Византийской империи в их отношении, подробно изложены в монографии И.О.Князькия «Византия и кочевники южнорусских степей» (Князький, 2003); о печенегах в Венгрии — Д. А. Расовского (Расовский, 1933).

² Интересно, например, отметить, что половецкий хан Котян около 1238 г. обещал венгерскому королю Беле IV принять христианство вместе со своим народом в обмен на возможность укрыться от монголо-татар в венгерской земле.

³ Вопрос о религиозной принадлежности представителей половецкой знати, носивших христианские имена: Василий, Гаврилко, Юрий (Кончакович), Ярополк (Томзакович), Роман (Кзич) и др., остается весьма сложным. Возможно, что часть из них, действительно были по вероисповеданию христианами. В целом же, ношение половецкими христианами имен, очевидно, свидетельствовало больше об их политической ориентации на Русь, чем о религиозной принадлежности к православию.